

ЗЕМЛЯ ШОРОХОВ

Предисловие

Вызывая в памяти образы прошлого, я часто вижу равнины Патагонии... Все объявляют эти равнины ни на что не годными. Описать их можно, перечисляя только то, чего на них нет: ни жилья, ни воды, ни деревьев, ни гор. Там растут лишь немногочисленные карликовые растения. Почему же в таком случае я (да только ли я) так накрепко запомнил этот безводный пустынный край?

*Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста
вокруг света на корабле «Бигль»*

Несколько лет тому назад я написал книгу («Зоопарк в моем багаже»), в которой рассказал, как мне надоело год за годом путешествовать в различные части света и собирать животных для разных зоопарков.

Спешу добавить, что мне вовсе не надоело ездить в экспедиции и тем более возиться с животными, которых я находил. Мне надоело расставаться с этими животными, когда я приезжал в Англию. Единственный выход из положения заключался в том, чтобы создать собственный зоопарк, и в книге «Зоопарк в моем багаже» говорится, как я отправился в Западную Африку собирать своих первых животных, как я привез их домой и наконец основал зоопарк на острове Джерси.

Теперь я написал как бы продолжение той книги, потому что здесь я описываю, как мы с женой и моим

неутомимым секретарем Софи отправились на восемь месяцев в Аргентину, с тем чтобы привезти оттуда хорошую коллекцию южноамериканских животных для Джерсийского зоопарка, и как, несмотря на многочисленные препятствия, мы с этим справились. За эту коллекцию самой большой похвалы заслуживает, безусловно, Софи. Хотя она и редко упоминается на страницах этой книги, самые большие тяготы путешествия, очевидно, пришлись на ее долю. Она безропотно оставалась в Буэнос-Айресе и приглядывала за нескончаемым потоком животных, с которыми я то и дело появлялся из разных мест. И приглядывала она за ними так, что это сделало бы честь опытному собирателю животных. За это и за многое другое я чувствую себя глубоко обязанным ей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обычаи страны

По-весеннему нарядный Буэнос-Айрес был хорош, как никогда. Высокие элегантные здания сверкали на солнце, словно айсберги. Вдоль широких авеню выстроились джакаранды и palo borracho¹ с их странными, бутылочной формы, стволами и длинными, тонкими ветвями, на которых красовались белые и желтые цветы. Весенняя атмосфера, видно, пьянила пешеходов, и они, лавируя между машинами, перебегали улицу с меньшей осторожностью, чем обычно, а водители трамваев, автобусов и легковых машин соревновались в извечной буэнос-айресской игре, стараясь на максимальной скорости впритирку обогнать друг друга и при этом не столкнуться.

Не имея склонности к самоубийству, я отказался водить машину в городе, и поэтому за рулем моего «лендровера»², стремительно уносившего нас по смертоносной дороге, сидела Жозефина. У невысокой Жозефины волнистые темно-рыжие волосы, большие карие глаза и улыбка как прожектор: на расстоянии двадцати шагов она парализует даже самых стойких мужчин.

¹ Пьяное дерево (*исп.*).

² «Лендровер» — автомобиль повышенной проходимости.

Рядом со мной сидела Мерседес, высокая, стройная, голубоглазая блондинка. С виду она — сама кротость, но это лишь маскирует железную волю и беспощадную, почти бульдожью, целеустремленность Мерседес. Эти две девушки были частью моей лейб-гвардии красавиц, на которую я опирался в своей борьбе с аргентинскими чиновниками.

В ту минуту мы направлялись к массивному зданию своеобразной помеси Парфенона с Рейхстагом. В его громадном чреве притаилась Адуана (или таможня) — самый страшный враг здравого смысла и свободы в Аргентине. Три недели тому назад, когда я прибыл в страну, таможенные чиновники безропотно оставили у меня все предметы, подлежащие обложению высокими пошлинами: камеры, пленку, автомобиль и многое другое. Но по причинам, известным лишь Всевышнему да блестящим умам Адуаны, у меня конфисковали все сети, ловушки, клетки и другое, не очень ценное, но совершенно необходимое снаряжение. И вот последние три недели не проходило и дня, чтобы Мерседес, Жозефина и я не мытарились в обширных недрах таможенного управления, где нас посылали из кабинета в кабинет с размеренностью работы часового механизма, размеренностью до того нудной и безнадежной, что мы уже всерьез стали опасаться за свою психику.

В то время как Жозефина лавировала между разбегавшимися пешеходами, вызывая у меня спазмы в желудке, Мерседес поглядывала на меня с тревогой.

— Как вы сегодня себя чувствуете, Джерри? — спросила она.

— Великолепно, — с горечью сказал я. — Ведь в такое прелестное утро мне больше всего на свете улыбается,

встав с постели, сознавать, что впереди у меня еще целый день, который надо посвятить установлению близких отношений с таможенниками.

— Ну пожалуйста, не говорите так, — сказала Мерседес. — Вы же обещали мне, что больше не будете выходить из себя. Это же совершенно бесполезно.

— Ну и пусть бесполезно, дайте хоть отвести душу. Клянусь вам, если нас еще раз продержат полчаса перед

кабинетом только для того, чтобы его обитатель в конце концов сказал нам, что это не по его части и что нам следует пройти в комнату номер семьсот четыре, я не буду отвечать за свои действия.

— Но сегодня мы идем к сеньору Гарсиа, — сказала Мерседес таким тоном, будто обещала конфету маленькому ребенку.

Я фыркнул.

— Насколько мне помнится, за последние три недели только в одном этом здании мы повидались уже по

крайней мере с четырнадцатью сеньорами Гарсиа. Видно, клан Гарсиа считает таможню своей старой фамильной фирмой. А все младенцы Гарсиа рождаются на свет с маленькой резиновой печатью в руках, — продолжал я, распаяясь все больше и больше. — А на Рождество все они получают в подарок по выцветшему портрету Сан-Мартина, чтобы, став взрослыми, повесить его в своем кабинете.

— О Джерри, мне кажется, вам лучше остаться в машине, — сказала Мерседес.

— Как? Лишить себя удовольствия продолжать изучение генеалогии семейства Гарсиа?

— Ну тогда обещайте ничего не говорить, — сказала она, умоляюще поглядев на меня своими глазками, синими, как васильки. — Пожалуйста, Джерри, ни слова.

— Но я же ничего никогда и не говорю, — запротестовал я. — Если бы я действительно высказал все, что думаю, вся их таможня провалилась бы в тартарары.

— А разве не вы на днях сказали, что при диктатуре вы ввозили и увозили свои вещи и у вас никогда не было неприятностей, а теперь, при демократии, на вас смотрят как на контрабандиста?

— Ну и что. Разве человеку возбраняется высказывать свои мысли? Даже при демократии? Последние три недели мы только и делаем, что боремся с этими умственно отсталыми личностями из таможни, и ни одна из них, видно, не способна сказать что-либо членораздельное, а может лишь посоветовать обратиться к очередному сеньору Гарсиа, который сидит дальше по коридору. Я потерял три недели драгоценного времени, тогда как мог бы снимать и собирать животных.

— Руку, руку, — неожиданно и громко сказала Жозефина. Я высунул руку в окно, и мчавшаяся за нами лавина автомобилей, скрежеща тормозами, внезапно остановилась, потому что Жозефина уже стремительно бросила «лендровер» наперерез движению в боковую улицу. Позади нас замирал вопль ярости и были отчетливо слышны крики: ¡animal!¹

— Жозефина, я настоятельно прошу вас заблаговременно предупредить нас о ваших поворотах, — сказал я. Жозефина обернулась ко мне с ослепительной улыбкой.

— Зачем? — спросила она просто.

— Неужели не понятно? Это даст нам возможность подготовиться к встрече с Всевышним.

— Но разве вы у меня хоть раз попадали в аварию?

— Нет, но, по-моему, это только вопрос времени.

В этот миг мы вновь проскочили через перекресток со скоростью сорок миль в час, и таксисту, ехавшему по поперечной улице, пришлось пустить в ход все тор-моза, чтобы не врезаться нам в бок.

— Урод, — невозмутимо сказала Жозефина.

— Жозефина! Никогда не употребляйте подобных выражений, — запротестовал я.

— Почему? — невинно спросила Жозефина. — Вы же употребляете.

— Это не довод, — резко возразил я.

— Но употреблять их — одно удовольствие, правда? — с удовлетворением сказала она. — У меня их уже большой запас. Я знаю «урод», я знаю...

— Ладно, ладно, — перебил я. — Я верю вам. Но ради бога, не употребляйте их в присутствии своей матери, а то она не разрешит вам водить мою машину.

¹ Скотина! (исп.)

Все-таки, думал я, в помощи красивых молодых женщин есть свои отрицательные стороны. Правда, мало кто может устоять перед их чарами, но, с другой стороны, слишком уж у них цепкая память на крепкие англосаксонские словечки, к которым я вынужден прибегать в минуты волнения.

— Руку, руку! — опять сказала Жозефина. Мы снова помчались наперерез движению и, оставляя позади себя разъяренное стадо автомобилей, подкатили к массивному и мрачному фасаду Адуаны.

*

Мы вышли из Адуаны три часа спустя. Наши мозги оцепенели, ноги ныли, и мы упали на сиденья машины.

— Куда же теперь? — спросила Жозефина безразличным тоном.

— В бар, в любой бар, где я могу получить порцию бренди и пару таблеток аспирина.

— О'кей, — сказала Жозефина, отпуская сцепление.

— Завтра, наверно, все кончится успешно, — сказала Мерседес, пытаясь поднять наш поникший дух.

— Послушайте, — сказал я немного резко, — сеньор Гарсиа, да благословит Господь его синевритый подбородок и окропленную одеколоном шевелюру, помог нам как мертвому припарки. И вы это прекрасно знаете.

— Нет, нет, Джерри. Он обещал отвести меня завтра к одному очень высокопоставленному чиновнику Адуаны.

— Его зовут... Гарсиа?

— Нет, сеньор Данте.

— Как знаменательно! Только человек с именем Данте может выжить в этом аду сеньоров Гарсиа.

— Вы чуть не испортили все дело. Зачем вы спросили, не отца ли его портрет висит у него в кабинете? Вы же знали, что это Сан-Мартин, — с укором сказала Мерседес.

— Да, знал, но я чувствовал, что если не скажу какую-нибудь глупость, то мои мозги начнут щелкать, как старомодные штиблеты с резинками.

Жозефина подкатила к бару. Мы уселись за столик, стоявший на краю тротуара, и, прихлебывая из стаканов, погрузились в унылое молчание. Вскоре мне удалось стряхнуть тупое оцепенение, которое всякий раз навеивает на меня Адуана, и я снова обрел способность говорить не только о ней.

— Одолжите мне, пожалуйста, пятьдесят центов, — попросил я у Мерседес. — Мне нужно позвонить Марии.

— Зачем?

— Ладно, откроюсь вам... она обещала мне найти местечко, где бы можно было приютить тапира. В гостинице мне не разрешают держать его на крыше.

— А что такое тапир? — поинтересовалась Жозефина.

— Это такое животное, ростом почти с пони и с длинным носом. Оно похоже на маленького слона-уродца.

— Не удивляюсь, что в гостинице вам не разрешают держать его на крыше, — сказала Мерседес.

— Но тапир совсем еще младенец, он всего со сви-
нью.

— Ну что ж, получайте свои пятьдесят центов.

Я нашел телефон, разобрался в сложностях аргентинской телефонной системы и набрал номер Марии.

— Мария? Это Джерри. Как дела с тапиром?

— Видите ли, мои друзья в отъезде, и у них его пристроить нельзя. Но мама говорит, что его можно принести сюда и держать в саду.

— А вы уверены, что это будет удобно?

— Ну, это мамина идея.

— А вы думаете, она знает, что такое тапир?

— Да, я сказала ей, что это маленькое животное с мехом.

— Не совсем точное зоологическое описание. Что же она скажет, когда я нагряну к вам с существом величиной со свинью и почти безволосым?

— Раз уж он будет здесь, то ничего не поделаешь, — резонно заметила Мария.

Я вздохнул.

— Хорошо. Я завезу его сегодня вечером. Ладно?

— Ладно, и не забудьте захватить для него немного корму.

Я вернулся к Жозефине и Мерседес. Весь вид их являл собой неутоленное любопытство.

— Ну, что она сказала? — спросила Мерседес.

— Сегодня ровно в шестнадцать ноль-ноль мы приступаем к операции «Тапир».

— Куда мы его отвезем?

— К Марии. Ее мать разрешила держать его в саду.

— Боже милостивый! Ни в коем случае! — сказала Мерседес трагическим тоном.

— А почему бы и нет? — спросил я.

— Там нельзя его оставлять, Джерри. Садик у них совсем крошечный. И, кроме того, госпожа Родригес очень любит свои цветы!

— Какое отношение это имеет к тапиру? Он будет на привязи. Все равно его надо куда-то девать, а это пока единственная возможность пристроить его.

— Хорошо, отвезем его туда, — сказала Мерседес с видом человека, который знает, что он прав, и не скрывает этого, — но не говорите потом, что я вас не предупреждала.

— Хорошо, хорошо. А теперь поехали завтракать, потому что в два часа мне надо захватить Джеки и заказать билеты на обратный путь. После этого мы можем ехать за Клавдием.

— За каким это Клавдием? — удивленно спросила Мерседес.

— За тапиром. Я окрестил его так потому, что со своим римским носом он вылитый древнеримский император.

— Клавдий! — хихикнув, сказала Жозефина. — Урод! Вот смешно!

*

Итак, в четыре часа пополудни мы втащили упиравшегося тапира в машину и поехали к Марии, купив по дороге длинный собачий поводок и ошейник, который пришелся бы впору датскому догу. Мерседес была права — садик оказался крошечным. Размером он был футов пятьдесят на пятьдесят — этакая квадратная яма, окруженная с трех сторон черными стенами соседних домов, с четвертой стороны была верандочка с застекленной дверью, которая вела в апартаменты семейства Родригес. Из-за высоты окружающих зданий во двореке было сыро и довольно мрачно, но госпожа Родригес сотворила чудо, оживив его цветами и кустиками, которые неплохо прижились в этой темноватой дыре. Яростно награждая Клавдия пинками, мы протащили его через весь дом и привязали в саду к нижней ступеньке

Содержание

ЗЕМЛЯ ШОРОХОВ

Перевод Дмитрия Жукова

<i>Предисловие</i>	7
Часть первая. Обычаи страны	9
Земля шорохов	24
Море старых официантов	45
Золотой рой	66
Клубневидные животные	90
Часть вторая. Обычаи страны	107
Жужуй	119
Город bichos	141
Вампиры и вино	169
Полный вагон bichos	192
Обычаи страны	220
Экстренное сообщение	232

ПОМЕСТЬЕ-ЗВЕРИНЕЦ

Перевод Льва Жданова

<i>Объяснение</i>	237
I. Поместье-зверинец	241
II. Дикобраз в округе	265
III. Холоднокровная когорта	290

IV. Клавдий в посудной лавке	308
V. Доктор, помогите!	325
VI. Любовь и брак.	342
VII. Горилла в гостиной.	362
VIII. Ответственность за животных	381
Заключительная просьба	396